

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

ЦИКЛ «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЬНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

ЦИКЛ «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

**ШАНС
ЗАКЛИНАТЕЛИ**

Цикл
«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ТЁМНЫЙ
ОХОТНИК

РАССКАЗЫ

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-32(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 454

Художник
О. Юдин

Пехов А. Ю.
П23 Тёмный Охотник: Рассказы.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.—408 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1225-2

У Гаррета очередные неприятности — Авендум наводнили темные эльфы и все как один хотят его крови. По Льдистым землям идет грозный Пожиратель душ, распугивая живых и мертвых на своем пути, а в дремучих лесах Сандона никак не закончится долгая кровопролитная война между Высокородными и людьми. Непокойно в Столице — на головы киндрэт, того и гляди, падет призванный из небытия Тёмный Охотник. Но все это мелочи по сравнению с тем, что творится у границы Изнанки, где особый почтовый вертится словно волчок, пытаясь избежать очень больших бед.

В этом сборнике Алексей Пехов рассказывает нам неизвестные истории хорошо знакомых миров — Сиалы, Хары и Киндрэт. А также знакомит с совершенно новым миром на границе Изнанки.

УДК 82-32(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1225-2

© Пехов А. Ю., 2006
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2006

МИР СИЛЫ

ЗМЕЙКА

— Ну и что ты думаешь, Гаррет? — спросил Гозмо.

Прежде чем ответить, я скучающим взглядом окинул пустой трактирный зал и только потом выдал фразу, вертевшуюся на языке с того самого момента, как он предложил Заказ.

— Мне это не нравится.

— Да ладно! — тут же возмутился старикан.— Работа плевая, оплата сдельная, тебе и делать-то ничего не надо.

— Вот это и настораживает.— Настроение у меня было мрачное, и я счел своим прямым долгом испортить его окружающим.— Все слишком просто, значит, жди неприятностей.

— Слушай, за кого ты меня принимаешь?! Я хоть раз подкидывал тебе гнилые Заказы?

— Да.— Я был безжалостен.— В последнем предприятии фигурировали большие злые собаки. Хорошо, что я быстро бегаю.

— Это издержки нашей работы,— отмахнулся он.— Случаются накладки.

— Главное, чтобы они не стали закономерностью. Твое предложение напоминает исилийский каравай. С виду гладкий и круглый, а разрежешь — так сплошной изюм.

— Но это же отлично! — Бывший вор, а теперь владелец трактира «Нож и Топор» и по совместительству

посредник в разнообразных противозаконных делишках, не терял надежды затащить меня в очередную авантюру. Особых восторгов от его потуг я не испытывал, поэтому честно ответил:

— Ненавижу изюм.

Если уж играть в «буку», так до конца.

Гозмо тут же поджал губы:

— Цену себе набиваешь?

Я безразлично пожал плечами. Пустой разговор. Трактирщик знает, сколько стоят мои услуги.

— Так я могу и других попросить. Думаешь, кроме тебя в Авендуме¹ нет воров?

— Полно,— поддержал я его.— Но большая их часть тупа, как доралиссы², а меньшая не умеет спереть даже кошелек.

— Я о мастерах толкую.

— М-да? Давай-ка подумаем, кого ты можешь пригласить? Шныг и Соловей с той недели подались под крыло гильдии. Нейк надолго сел в Серые камни. Если тюряга не перемелет парня, через десять лет можешь на него рассчитывать. Кто у нас еще остался из свободных? Арлис? Она тебя не жалует, вряд ли вы с ней договоритесь. Шлок поцапался с Ургезом. На мой взгляд, задирать главу гильдии убийц — очень недальновидный поступок. Теперь бедняга плавает где-то под Пирсами³. Так что, кроме меня, у тебя никого нет.

— Я могу обратиться в гильдию.— Гозмо и сам в это не верил.

— Если тебя устраивает работа с Маркуном и ты готов выложить в его жирную лапу сорок процентов от выручки, то вперед и с песней.— Я отхлебнул дармового пива.

Трактирщик затравленно постучал пальцами по столешнице. Связываться с гильдией и ее алчным гла-

вой ему не хотелось. Это было ясно с самого начала, иначе он бы не обратился за помощью к такому свободному художнику, как я.

— Гангрена ты, Гаррет. Это грабеж.

— Нет, старина. Это деловые отношения.

— Я предлагаю тебе пятнадцать золотых!

Ага. Пятнадцать я возьму, два отдам ему за наводку. Плюс сколько этот прохиндей получит от заказчика? Порой у меня возникает мысль стать посредником. Риск для шкуры минимальный, а денежки в карман капают неплохие.

Я ничего не сказал бывшему коллеге, лишь послал ему из своих бездонных запасов самый презрительный взгляд.

— Сколько? — сдался трактирщик.

— Тридцать.

— Вор!

— Точно,— я отсалютовал ему кружкой с темным пивом.

— Ладно, по рукам.

Нисколько не сомневался, что мы придем со старым жуком к взаимовыгодному соглашению.

— За такое плевое дело ты требуешь такую кучу деньжищ. Что за времена пошли?! — ворчал Гозмо.

— Тяжелые,— тут же поддержал я.— Сам видишь. Цены растут, приходится крутиться.

Он посмотрел на меня, явно думая, что я издеваюсь. Вздохнул:

— По Заказу⁴ все ясно?

— Пришел. Забрал товар. Ушел. Принес тебе. Получил деньги.

— Что-то в этом роде. Но сделать это надо именно сегодня. Утром заказчик будет ждать здесь. Допивай свое пиво и проваливай. Я скоро открываю заведение.

— Не так быстро, дружище. Я не услышал самого главного — что за товар просится в мою сумку.

— Наниматель не сказал.

— Вот как? — настала моя очередь нахмуриться. Сразу же вернулись нехорошие предчувствия.— С чего такие тайны?

— Не наше дело. Нам платят, мы работаем.

— Ну положим, основная работа на мне.— Мне не понравилось отношение Гозмо к делу.— И опасность угодить за решетку также всецело моя. Как и нарваться на городскую стражу. Капитан Фраго Лантэн в последнее время точит на меня зуб и просто мечтает посадить в камеру к Нейку. Так что с твоей стороны крайне непрозорливо не собрать информацию. Мне товар нести. А если он размером с колокол Собора и весит, как сотня нагруженных золотом карликов?!

— Не думаю, что все так плохо,— поспешил уверить посредник.— Будь что-то важное, заказчик бы сказал.

— Ага, если только он не тупица,— оптимизм в последние дни из меня так и прет.— Он хоть человек?

— Не доралиссец, если ты это имеешь в виду.

— Слава Саготу⁵. В тот день, когда меня наймут человеко-козлы, я пойду и утоплюсь. Или удавлюсь. Или залезу в Храд Спайн⁶.

— Плакать о тебе никто не станет,— «обнадежил» меня Гозмо.— Итак. Фургон не охраняется, замок людской работы, товар внутри.

— Угу. Буду надеяться, что телега не забита по крышу всяким хламом, и я сразу пойму, что следует брать.

Мне все же удалось его добить. Гозмо не выдержал и воскликнул:

— Какой же ты зануда!

— Стараюсь, дружище. Стараюсь.

Сочтя, что на сегодняшний вечер с него достаточно, я поставил опустевшую кружку на стол и, не прощаясь, вышел из трактира.

На самом деле старикан был в чем-то прав. Заказ не казался сложным. Не сравнить с прогулкой в дом барона Лантэна и похищением денег, которые капитан городской стражи назначил за голову вашего покорного слуги.

Но сейчас меня смущало отсутствие четких сведений о товаре, простота задания и легкость, с которой трактирщик повысил мой гонорар. Это значило только одно — овчинка стоит выделки, и я продешевил.

Почему я согласился? Ну-у-у, «добрые» люди говорят, что я жаден, как подгорное племя, и любопытен, как заграбский гоблин. К тому же я получил возможность в очередной раз пнуть Маркуна. Вот уж кого не выношу — так эту жирную сволочь, которая непонятно каким образом умудрилась встать во главе воровской гильдии. Ради того, чтобы лишить недруга золотишка, я готов работать даже бесплатно. Но, на мое счастье, Гозмо об этом не знает.

Конечно, следовало бы поступить по-умному и рассказать о Заказе моему старому учителю — Фору, но банальная лень и нехватка времени убили эту идею на корню. Так что, поныв о несправедливой жизни собственному отражению, я начал готовиться к предприятю.

Стандартный набор любого уважающего себя вора, плюс умещающийся в одной руке арбалет работы карликов, тяжелый нож на бедре, холщовая сумка за спиной и целая куча самомнения. Это все, что требуется, дабы выйти победителем из любой переделки. Ну или почти все. О таких вещах, как многолетняя практика,

мастерство, ловкость, хитрость, осторожность и ум я вежливо умолчу. Ибо скромнен, как девица на выданье.

Я фыркнул. Что-то меня несет. Никак, нервничаю? Все же надо было загнать жадность куда подальше и смотаться на улицу Искр. Именно в этой части Авендума расположились магические лавочки, где продается разного рода волшебный товар. В том числе и тот, что при небольшой капле мозгов и умении вполне может оказаться полезным человеку моей профессии. Но отдавать кучу золотых монет жадному карлику Хонхелю... Убыток выйдет больше прибыли. Так что на этот раз придется действовать без магической поддержки.

Во втором часу ночи я уже был недалеко от южной стены Внутреннего города. Большая площадь примыкала к району богатеев и служила Авендуму рынком и местом для казни всякого отребья. Также дважды в год, осенью и весной, на площади Вишен проводились выступления бродячих цирковых и театральных трупп. Сейчас середина апреля, а это значит, что через два дня здесь начнется форменное светопреставление. Клоуны, жонглеры, метатели ножей, заклинатели духов, маги-недоучки, показывающие фокусы (на мой взгляд, от этих деятелей надо держаться как можно дальше), дрессировщики экзотических зверей, кукольники и прочая цветастая публика на неделю погрузят город в гульбу и веселье.

Цирковая труппа, прибывшая в Валиостр⁷ первой, по-хозяйски расположилась на пока еще свободном пространстве, разом заграбастав себе половину отпущенной территории. Два десятка фургонов, один огромный шатер и множество маленьких, стойло для лошадей, клетки со зверями. Маленький город в сердце огромной столицы.

И именно там скрывается моя цель.

МИР ВЕТРА И ИСКР

Yudin
2006

ПОЖИРАТЕЛЬ ДУШ

О его приходе сообщили птицы. Десяток ворон оставили ветви черных елей и с возмущенными воплями бросились прочь. Несколько минок¹³ спустя из-за деревьев появился незнакомец. Со стороны могло показаться, что густые еловые лапы поспешно раздвинулись, пропуская человека, чтобы он наконец-то покинул лес. Не оглядываясь на угрюмую зеленую стену, чужак прошел по утопающему в утренней росе небольшому лугу и остановился у сонного, ленивого, прячущегося в перину из тумана ручья. Сняв с плеча сумку, положил на траву посох, зачерпнул ладонями воды и, фыркая, умылся. Вода пахла хвойной свежестью и... смертью. Смерть витала над этим краем. Раскинув черные кожистые крылья и накрыв своей тенью землю — от низких, изъеденных безумными ветрами гор на юге до свинцового холодного моря на севере. Быть может, другие люди не смогли бы ощутить незримое тягостное присутствие Пожирательницы Жизни, но этот человек не раз и не два общался с той, которая уводит в Бездну. И узнал ее дыхание.

Не обращая внимания на неприятный привкус, он с удовольствием напился, затем наполнил флягу. Ручей остался к такому самоуправству безучастен, и чужак, наверное, в насмешку над ним, тонким пальцем с длинным, покрашенным в черный цвет ногтем провел по спокойной глади. Вода на миг взволновалась и тут

же успокоилась: стали видны бело-черные камешки на дне и отражение бесцеремонного наглеца.

Любой смог бы опознать в нем уроженца далекого жаркого Сдиса¹⁴. Худой, смуглый, с запавшими щеками, огромным орлиным носом, высоким открытым лбом и тонкими, сжатыми в одну линию губами. Бритая голова, кустистые брови. Небольшая черная борода придавала сдисцу донельзя нелепый вид, и в мире нашлось бы много шутников, не упустивших случая посмеяться над путником, если бы не одно «но». Глаза. Стоило весельчакам посмотреть в них, и смех застревал где-то в горле. Два черных, безучастных провала под густыми бровями многих заставляли отводить взгляд. Особо суеверным казалось, что на них смотрит сама Бездна. Возможно, в этом была доля правды.

Закончив пить, человек встал, перебросил через плечо кожаную сумку, поправил складки на некогда белой, а сейчас порядком испачканной за время путешествия мантии, набросил на голову капюшон. Затянул пояс, на котором висел кривой восточный меч в потертых лиловых ножнах, и подхватил лежащий на траве посох.

Об этом предмете следовало сказать особо.

Высотой в человеческий рост, черен, как долгая северная ночь, в верхней четверти он переходил в нечто напоминающее позвонки. Те в свою очередь заканчивались набалдашником в виде оскаленного человеческого черепа. Знающим людям хилсс¹⁵ говорил о многом. Впрочем, как и незнающим. И те и другие предпочитали держаться подальше от его обладателя.

Прищуриив глаза, незнакомец несколько долгих ун¹⁶ смотрел на север. Туда, где за приземистыми курганами, по его расчетам, должно было находиться че-

ловеческое поселение. Именно оттуда сильнее всего разило смертью.

Больше не задерживаясь, сдисец перепрыгнул через ручей и отправился в выбранном направлении. Высокий и широкоплечий, двигаясь на удивление легко и плавно, он скользил через туман быстро и бесшумно, словно клоп-водомерка по озерной глади.

Пройдя ярдов двадцать, мужчина нахмурился, как будто вспоминая о чем-то незначительном, а затем улыбнулся одними губами. Тихо свистнул, словно подзывал охотничью собаку и, не давая себе нужды проверить, идет ли она следом, прибавил шагу. В ответ на его зов из содрогнувшегося от омерзения леса вышли семеро в обрывках, которые язык не повернулся бы назвать одеждой. От созданий исходило ужасное зловоние, их глаза горели зеленым огнем. Раскинувшись цепью, они семенили за своим господином, не приближаясь, но и не отставая. Все были вооружены: кто тяжелым, заброшенным на плечо двуручным мечом, кто секирой, кто шестопером.

В отличие от хозяина, эти твари не знали усталости, не ощущали боли, не хотели спать, и даже вечный голод, терзавший их тупые головы, оказался обуздан. Чужак сплел из никчемных оболочек отличных охранников. Безропотных, непритязательных и что самое главное — бесстрашных и верных. Они были его вещами и хотя жрали толику силы, но уже не раз приходили на помощь в дремучих Льдистых землях Империи¹⁷.

Луг закончился, впереди показалась каменная, заросшая по краям дурно пахнущим желтоцветом тропинка. Она вела к курганам и, стараясь не задевать их седых склонов, скрывалась за холмами. Именно туда направился чужак. Конечно, он мог бы пойти иной дорогой, но позволил себе немного любопытства.

Ему стало интересно, что послужило причиной прихода Пожирательницы Жизни.

Как и предполагал мужчина, курганы оказались мертвы. Сквозь толщу земли он ощущал останки тех, кто давным-давно пирует в ледяных залах бога северных варваров — Уга. Захоронения были старыми и не представляли опасности для живых. Смерть на этот раз пришла не из древних могил.

Ноги слуг безжалостно мяли высокую седую траву, растущую на склонах, пугали мелких кузнечиков, наслаждающихся коротким холодным летом, спеша за тем, кто подарил им временную жизнь. Туману надоело прижиматься к земле, и он густой пеленой повис в воздухе, скрыв своим призрачным телом все, что предполагалось в пятнадцати ярдах от чужака. Но тот и не думал снижать темпа — шел уверенно и быстро. Чтобы придерживаться верного направления, ему не были нужны глаза. Широкие крылья носа трепетали — он ощущал аромат Пожирательницы и шел туда, где тот витал сильнее всего.

У последнего из курганов, самого низкого, находилось кольцо дольменов. Мрачные, заросшие алыми пятнами лишайника, строения казались забрызганными кровью. Создавалось впечатление, будто они сверлят путника тяжелыми взглядами, предупреждая о том, что здесь не место незваным гостям. Но пришелец не обратил на древние святилища никакого внимания. Его было не так просто напугать.

В круге, который создавали дольмены, стоял потемневший от крови каменный жертвенник. Рядом с ним в землю были воткнуты копыя, обвязанные множеством разноцветных тряпочек и лоскутков, словно ярмарочные ходули. На каждом из них скалился козлий череп. Последние из жертв, принесенных Угу.

Сдисец внимательно изучил место и нашел то, что искал, — изображение снежного кота. Теперь он знал, какому клану северян принадлежит поселение. Рыжеволосым Детям Ирбиса — одному из семи племен варваров, населяющих Лыдые земли.

Когда курганы остались позади, путник оказался в широкой долине. С юга и востока на нее наступала непроходимая еловая стена, с запада — увенчанный сосенками холмистый пояс, а на севере начинались леса, лиг через восемьдесят переходящие в тундру, тянущуюся до самого Свинцового моря.

В долине тоже был туман. Впрочем, не такой густой, как у дольменов. И все же часовой на смотровой вышке заметил чужака, лишь когда тот оказался всего в сотне ярдов от частокола. Это было непростительно, хотя белое на белом всегда сложно разглядеть. Пришелец, точно демон, вынырнул из витающего над землей густого молока. Давая себя рассмотреть, он откинул капюшон и не спеша перешел вброд неглубокую речушку, заросшую по берегам жидкой низкорослой осокой. Поначалу наблюдатель на посту не понял, что это за человек. И лишь после того, как из марева выбрались семеро, рыжеволосый северянин поднял тревогу.

Путник остановился, не дойдя до ворот ярдов пятнадцать. Следом за хозяином, повинаясь неслышимо-му приказу, остановились и слуги. Облаченный в белую мантию с интересом рассматривал встречающих. Двадцать человек. Высокие, рыжеволосые и усаые. Каждый из мужчин носил килт и распахнутую на груди шерстяную рубаху или кожаную безрукавку. Все были вооружены. Стражник на вышке держал лук наготове.

Северяне смотрели на чужака хмуро и недружелюбно, но без боязни и ненависти. Пришедший расценил это обстоятельство, как большую удачу. Он знал,

что обычно глупые поступки совершаются не от недостатка ума, а из страха. Сейчас же никто не спешил стрелять или, тем паче, бросаться на него с оружием. Значит, есть шанс договориться с этим неприветливым народом и узнать, что у них стряслось.

Два десятка угрюмых Детей Ирбиса внимательно изучали пришельца, облаченного в белое одеяние. Тот обеими руками опирался на посох, и на его лице нельзя было прочесть ни одной эмоции. Черные глаза скользили по высокому проломленному частоколу, смотровой вышке, разрушенным воротам. Он подчеркнуто не замечал людей, давая им время принять решение.

Наконец, когда молчание стало невыносимым, из толпы вышел грузный высокий, немолодой уже мужчина и, передав свое оружие одному из товарищей, решительным шагом направился к сдисцу. На семерых мертвецов, что стояли за спиной незваного гостя, он даже не посмотрел.

Путник одобрительно хмыкнул себе под нос. В чем варварам не откажешь, так это в невозмутимости и смелости. Ожившими куксами¹⁸ их не испугать. Не то что жителей более цивилизованных земель.

Сын Ирбиса оказался на голову выше незнакомца и гораздо шире в плечах. От него пахло потом и дымом. Голубоглазый гигант прожег носящего хилсс человека настороженным взглядом и произнес:

— Я Ра-тон, сын Га-льба. Что тебе надо, колдун?

— Люди считают, опрометчиво называть свое имя тому, кто черпает силу из Бездны,— криво усмехнулся некромант. Голос у него оказался сухим и неприятным.

— Должно быть, это глупые люди. Только злой дух да снежный демон могут украсть имя и вселиться в человеческое тело. Ты не похож ни на того, ни на другого. Твоя кровь так же тепла, как моя,— последовал ответ.

ЦЕНА СВОБОДЫ

Кнофер хорохорился до последнего. Говорил, что у него есть влиятельные друзья, и стражники во главе с комендантом будут ползать перед ним на коленях, вымаливая прощение. Мол, выпустят, никуда не денутся, а нет, так он живо научит скотов вежливости.

Обычная болтовня маленького человека. Быть может, у него и были могущественные покровители, но за те два дня, что я здесь находился, никто не вытащил старину Кнофера. Однако малый по-прежнему отказывался верить, что влип так же крепко, как и остальные. Так продолжалось до той поры, пока не заскрипела, отворяясь, решетка и в полутемный подвал не вошли вооруженные стражники.

— Подъем, висельники! Тощая вдова заждалась! — крикнул один из них.

Кнофер тут же рухнул на пол, завопив, что это ошибка, он не виноват, у него есть друзья, которые вот-вот вытащат его отсюда. Он рыдал, кашлял, размазывал по лицу сопли и слезы, а затем пополз в самый дальний угол. Встреча с Тощей вдовой не самое радостное событие в жизни.

— Вот и пришло наше времечко, — вздохнул Старый Олл.

— Что-то рано, — сказал я. — Обычно они так с урца развлекаются.

— Хрен их поймешь. По мне, так закат ничуть не хуже рассвета.

— Не скажи,— подал голос здоровенный парень, имени которого я так и не удосужился узнать.— Могли бы пожить чуть-чуть дольше.

— А ну, заткнулись там! На выход, покойнички!

Спорить и сопротивляться — себе дороже. Пятеро заключенных против двадцати хорошо вооруженных солдат не имеют шансов на успех.

Все, кроме Кнофера, вышли в тюремный коридор.

— Эй! — крикнул стражник.— Вылезай, крыса! Слышишь?!

Несчастный рыдал и выл, без остановки повторяя, что никто не имеет права так поступать с людьми, и они все очень-очень пожалеют. Командир отряда потерял терпение, и больше с упрямым никто не церемонился. Его выволокли из камеры за ноги, врезав по ходу дела по зубам, чтоб перестал брыкаться.

Нам связали руки за спиной, стянув веревку так, что я поморщился.

— Двинулись! И без глупостей у меня!

— А как насчет последнего желания? — поинтересовался Старый Олл.

— Вот попадешь в Счастливые Сады, там хоть пожелайся. Двинулись, я сказал!

Кнофер совсем ошалел от страха, и его пришлось тащить. Это обстоятельство настроения стражи не улучшило.

Мы прошли длинным коридором, дождались, пока отомкнут внешнюю решетку, затем поднялись по широкой лестнице на первый ярус тюрьмы. Еще один переход: мимо караулки, мрачных солдат с алебардами, множества чадающих факелов, и — вот она, последняя дверь.

Тюремщик зазвенел ключами, отомкнул замок, и нас, шурящихся с непривычки от дневного света, вывели в небольшой тюремный двор. Здесь находились помощник коменданта, чиновники из городского совета, лекарь, писец, служитель Мелота, ну и палач с двумя помощниками.

Стоящая в центре двора виселица, казалось, смотрела на нас. Впечатление она производила неприятное— два вкопанных в землю столба с перекладиной. И четыре петли. Четыре. Не пять. Кому-то из нас придется ожидать своей очереди.

Увидев Тошую вдову, Кнофер обделался, кто-то из солдат грязно выругался. Один из чиновников брезгливо поморщился.

— Пошевеливайтесь, покойнички. Вас уже заждались.

Стражник подтолкнул меня вперед. Вот и пожил, забери меня Бездна. Я, сплюнув, последовал за Старым Оллом.

— Ты! Светловолосый! Стой. Чуч, Март, вначале этого. Пусть на веревке брыкается.

Кнофер попытался сопротивляться, но бедолагу быстро утихомирили. Я смотрел, как его вместо меня тащат на виселицу. Не могу сказать, что очень уж сожалел, что уступил свое место другому. Скорее, наоборот.

— Повезло тебе, парень.— Один из стражников усмехнулся по-доброму.

Я пожал плечами.

— Неужели не рад?

— Чему радоваться? Я от нее все равно не убегу. Рано или поздно буду висеть со всеми.

— Что? Не боишься умирать? — спросил другой.

— Привык.

Я и вправду не боялся. Когда из года в год отправляешься на прогулку по Сандону²⁹, да еще и четырежды встречаешься с рыжими Высокоублюдками из Дома Бабочки, то быстро привыкаешь к тому, что Смерть стоит за левым плечом. Умирать, конечно же, не хочется, но вот бояться... Разучился, наверное.

Сейчас учиться заново поздно. Хотя... можно умереть и не в петле. По крайней мере трое арбалетчиков не спускают с меня глаз. Бежать, а тем паче сопротивляться, бесполезно, но вот вынудить их стрелять можно запросто. Я прикинул варианты и отказался от этого поступка. Болт в животе гораздо неприятнее петли на шее.

Между тем все было готово. Какой-то тип зачитал приговоры и обвинения, писец все прилежно занес в свитки, служитель Мелота³⁰ прочитал короткую молитву. Стоящие рядом со мной солдаты стали делать ставки, кто протанцует с Тощей вдовой больше других. Все считали, что Кнофер, уж слишком крепко цепляется за жизнь — ему и выигрывать. Из рук в руки стали переходить сорены.

Помощник коменданта отдал приказ, и палач прошел вдоль виселицы, выбивая из-под ног приговоренных опору. К вящему разочарованию игроков, дольше всех за жизнь цеплялся Старый Олл. Я усмехнулся. Мысленно ставил именно на старика. Он был крепким малым, так что полностью оправдал возложенное на него доверие. Интересно, сколько мне отпустит петля до того момента, как придется умереть?

Казненные мирно покачивались на веревках, солдаты разговаривали между собой, помощник коменданта мило беседовал с жирдяем горожанином, и я стал подумывать, что обо мне забыли. Но нет.

— Эй! Снимите крайнего, — распорядился командир. — У нас тут еще один висельник.

Помощники палача засуетились, пытаясь избавить петлю от тощей шеи Кнофера.

— Двигай.

Я мрачно посмотрел на стражника. Торопыга.

— Не вынуждай тащить тебя.

Я прошел половину дороги, когда через внешние ворота вбежал толстый запыхавшийся мужчина. Все присутствующие с удивлением воззрились на коменданта. У этого красномордого пожилого человека не было привычки бегать куда бы то ни было. Скорее наоборот.

— Слава Мелоту. Успел,— отдышавшись, сказал он и посмотрел на меня так, словно я был его самым лучшим другом.

До сегодняшнего дня я не верил в чудеса и благоволение богов. Тем сильнее было мое удивление, когда, раздосадованные отменой казни, стражники разрезали веревки у меня на руках и повели следом за спешащим комендантом. Я бросил последний взгляд на виселицу. Избежать знакомства с Тощей вдовой удалось самым счастливым образом. Весь вопрос — надолго ли?

Топая под конвоем, я не переставал думать о причинах отсрочки казни. Раньше ребята с расправой не слишком мешкали и в подробности преступлений не вдавались. Раз виновен, то вперед, в петлю. Или на рудники. В пограничных городках нет времени заниматься ерундой, вроде выяснения причин того или иного убийства. Когда у тебя под боком Сандон, не до глупостей...

Что им могло от меня понадобиться?

Мы пересекли внешний тюремный двор, подошли к невысокому зданию. Комендант спешил так, словно от этого зависела его жизнь. Наконец он остановился перед дубовой дверью, поспешно распахнул ее.

— Милорд, тот человек, которого вы искали, здесь. Вам оставить охрану? Хорошо, если что, мы будем за дверью. Заходи!

В комнате находились двое. Первый был уже немолод, с густыми неопрятными усами и глубоко посаженными маленькими глазками. Лицо грубое, нос большой, но обращение «милорд», которым воспользовался комендант, заслуживало внимания. На этот раз со мной собирались говорить не имперские дознаватели. Большая шишка. Незнакомец восседал за столом и с мрачным интересом изучал мою физиономию. От таких людей ничего хорошего не жди.

Второй, невысокий и всего лишь на несколько лет старше меня, сложив руки на груди, стоял у окна. Этого я знал. Как-никак пять лет провел под его началом. Эгрэн Туа, командир «Стрелков Майбурга». Точнее, мой бывший командир. В тот момент, когда я оказался за решеткой, меня сочли паршивой черной овцой и продали городским со всеми потрохами. В одно мгновение я стал чужим, точно и не было тех лет, боев и невзгод, что мы пережили вместе.

Бойцы своих не бросают. Я рассмеюсь в лицо тому, кто скажет это в следующий раз. Быть может, в других местах как-то иначе, но среди «Стрелков Майбурга» и у их вшивого капитанчика иные порядки. На мой взгляд, Эгрена не оправдывает даже то, что я действительно был виновен. Нельзя выбрасывать тех, кто плечом к плечу отражал с тобой набег Дома Бабочки. Я вновь почувствовал злость на этого хорька. С радостью бы двинул ему в зубы, но не уверен, что сейчас это будет разумным поступком.

— Это он? — спросил у Эгрена незнакомец.

— Да, милорд Ожон.

Усатый хмуро посмотрел на меня:

— Нет времени ходить вокруг да около. Я рассказываю, ты слушаешь. Потом говоришь, согласен или нет. Понятно?

— Понятно.

— Сегодня мы должны были подписать мирный договор с Высокородными. В самый последний момент, когда все уже было готово, одному из остроухих пробили шею стрелой. Эту неприятность... — он всем видом показал, что смерть эльфа неприятностью не считает, и тут я был полностью на его стороне, — удалось кое-как... сгладить. Мы не порубили друг друга в капусту, но все договоренности оказались под угрозой. Наместнику, а тем более — Императору это не понравится. Эльфы в бешенстве, но у них нет прямых доказательств, что убийство совершили люди. По мне, так какой-то из Домов решил воспользоваться ситуацией и замутить воду. Не все лесное племя поддерживает идею мира с Империей. В общем, так. Стрелка не нашли. Ни мы, ни они. Судя по следам, он ушел на восток. В Сандон. Или взял южнее, к отрогам Самшитовых гор. Высокоблудные отправили в погоню несколько отрядов, но этого мало. Во-первых, мы опасаемся, что убийство все еще могут повесить на нас. Это значит — новый этап войны. Ты успеваешь за моими мыслями или говорить медленнее?

— Успеваю.

— Чудесно. Во-вторых, эльфы поставили условие, что мы должны проявить свои добрые намерения и помочь им в поимке преступника. Его следует взять живым и притащить назад, пред светлые очи Наместника и эльфийского дельбе. Теперь, что касается тебя. Эгрэн говорит, ты отлично знаешь места, куда отправился стрелок.

— Я не единственный из гулявших по Сандону. — Было понятно, что мне предложат.

— Все, кто был, уже ушли с поисковыми отрядами.

— Простите, милорд, тогда я не понимаю, для чего вам понадобились мои услуги.

— К вечеру несколько... — он помедлил, — лиц пожелали принять участие в этом деле. Им потребовался опытный проводник. Ты — лучшее из худшего, что у нас есть. Искать других — нет времени.

— Я не следопыт.

— Ты нужен как проводник. И только если беглец ушел в горы. Как я слышал, ты хорошо знаешь те места. Эльфы, хоть земля и принадлежит им, камней не любят.

Я насторожился:

— Только горы? Не Сандон?

— В своем лесу Высокородные в проводниках не нуждаются.

Все встало на свои места.

— Вы предлагаете мне стать проводником у этих ублюдков?!

— Я предлагаю тебе помочь нам или отправиться на встречу с Тощей вдовой. Уверяю, во второй раз она тебя так просто не отпустит.

Обратно в петлю мне не хотелось гораздо больше, чем в эльфийскую компанию. Все же остроухие не самая страшная цена за свободу.

— Если я соглашусь...

— Наместник собственноручно подпишет тебе освобождение с полным прощением. Вали на все четыре стороны. Хоть в Альсгару³¹, хоть еще куда. Ну так как?

— Согласен.

— Я не сомневался.

— Могу я задать несколько вопросов?

МИР
КИНДРЭТ³⁵

ТЁМНЫЙ ОХОТНИК*

Маска, которую люди носят в обществе, всегда интереснее, чем лицо, скрывающееся за ней**.

Вивиан сидел в библиотеке, изучая книгу, которую дал Кристоф.

Продираться сквозь дебри монотонных фраз удавалось с большим трудом, и он был счастлив, что учил латынь в университете — все простейшие заклинания оказались написаны на этом «мертвом» языке. Ученик уже покрывался испариной от умственных усилий, когда вдруг услышал быстрые легкие шаги и певучий голос, произнесший: «Кристоф у себя?»

Молодой вампир поднял голову и обомлел.

Такой красивой женщины ему не приходилось видеть никогда в жизни. Глаза у нее были ярко-голубые. Серебряное платье вызывающе обнажало великолепную фигуру, мягкое сияние скользило по плечам и озаряло лицо, чуть удлинненное, бело-розовое, с нежной линией высоких скул.

Кадаверциан³⁶ понимал, что уставился на гостью возмутительно невежливо, но не мог отвести взгляда. И не мог понять, из какого она клана, только чувствовал бурлящую, искрящуюся энергию, которая ско-

* В соавторстве с Еленой Бычковой и Натальей Турчаниновой.

** Оскар Уайльд. Упадок лжи

льзила по губам женщины, сверкала в ее глазах, делая их то темными, то совсем прозрачными...

«Красива, как фэриартос³⁷ — но те играют в богему, а она...»

Посетительница излучала такую яркую, ослепительную страстность, что ее появление действовало, как удар в солнечное сплетение, как электрический разряд над головой.

— Кристоф у себя? — повторила она, не обращая внимания на состояние Вивиана.

Тот не успел ответить, Мастер Смерти уже входил в комнату.

— Добрый вечер, Флора.— Он поцеловал протянутую для приветствия руку.— Я не ждал тебя сегодня.

Вивиан, наконец, очнулся и вскочил, чтобы оставить их наедине, но Кристоф взял гостью под локоть: — Пройдем в кабинет.

Когда за ними закрылась дверь, молодой кадаверциан опустил в кресло и тупо уставился в книгу.

Теперь он не мог прочитать ни строчки, так жгло любопытство. Кто эта женщина? Откуда? О чем они будут говорить?!..

Вивиан знал, что если встать сбоку от двери, то разговоры в кабинете становятся слышны совершенно отчетливо...

Это было продолжение какого-то давнего спора:

— ...нет. Я сказал — нет! — донесся резкий голос Кристофа.

— Но почему, Крис?! Объясни мне, почему?! — Бархатное контральто Флоры потеряло певучую мягкость и теперь звучало властно и не менее резко.

— Сколько тебе лет, Флора?

— Я не буду отвечать на этот дурацкий вопрос, которым ты пытаешься уйти от ответа. Мы сильны, Кристоф, очень сильны сейчас. Мы, пожалуй, самый мно-

гочисленный и могущественный клан, поэтому фэри-артос и вьесчи³⁸ лебезят перед нами.

— У вас очень много молодежи. Неопытной и необученной.

— Ну и что?!

— Она — ваш балласт. Вы не сможете рассчитывать на молодняк, если начнется реальная война. У них нет ни знаний, ни опыта.

— Они будут делать то, что им скажут Старейшины.

— Да, ваши мудрые жрицы...

— Сколько иронии!.. Кристоф, ты — самый сильный из кадаверциан?

— Хочешь проверить? — В его голосе послышался смех. Вивиану представилось, что сейчас учитель сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и с усмешкой смотрит на Флору, нервно расхаживающую по кабинету.

— Я хочу знать точно.

— Тогда разочарую тебя. Не самый. Первый — Вольфгер...

— О нем давным-давно ничего не слышно, — перебила она. — Фактически ты — глава клана.

— Нет. Я не принимал Присягу. И никогда не приму.

— Это — пустая формальность! Главное, что у тебя есть реальная власть и сила.

— Флора, чего ты хочешь от меня? Что тебе нужно?

Похоже, женщина остановилась напротив его кресла, и голос ее зазвучал взволнованно:

— Мне?.. Мне нужно все! Мне не нравится то, что творится сейчас в моем клане. Фелиция, конечно, очень мудра, но она начинает делать ошибки.

— Девочка моя, а не мечтаешь ли ты занять ее место?..

— А если и так?

— И что бы ты изменила, если б это могло произойти?

— Во-первых... я бы сделала так, чтобы один упрямый, невыносимый кадаверциан стал моим союзником и...

— ...телохранителем? — подсказал Кристоф.

— Почему нет? Когда-то ведь было модно держать в качестве телохранителей леарджини³⁹, — рассмеялась она. — Еще он был бы...

— ...советником?

— Да, может быть. И...

— ...любовником?

— Сударь, вы забываетесь! Моей благосклонности добивались короли!

— Да, — легко согласился Кристоф. — Я не король.

— Но ты могущественнее любого из них. Поэтому я сейчас здесь, с тобой...

Тембр ее голоса изменился, и у Вивиана мороз побежал по коже от звучащей в нем чувственности. Эта женщина действительно могла повелевать королями. Интересно, что чувствует сейчас учитель? Там, наедине с ней.

— Флора, послушай меня, — произнес кадаверциан на удивление спокойно и холодно. — Мне наплевать, кто будет главой клана Даханавар⁴⁰. Меня это не касается! Но я знаю одно. Даже не думай тягаться с Фелицией. Она тебя испепелит.

— Кристоф, она стара и уже устала.

— Она очень сильна. А ее «усталость» — хорошая приманка для таких дурочек, как ты.

— Считаешь меня дурой?!

— Ты умная женщина, Флора, но еще очень молода. У тебя нет ее опыта, ее знаний.

— Поэтому я прошу помощи у тебя, кадаверциан! Помоги мне, Кристоф!! Я в долгу не останусь...

— Ты опоздала со своим предложением на несколько сотен лет. Раньше я, быть может, подумал бы об этом, но теперь мне не нужно ничего.

— Притворяешься, или тебе действительно ничего не нужно? Совсем?!!

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я чувствую, что появилось много желающих нарушить шаткое равновесие, которое установилось, наконец, в мире. И я не желаю стать тем первым камнем, который увлечет за собой лавину. Ты не застала прошлую войну, но, поверь мне, это было страшно. Даже для нас — клана Смерти... Наверное, потому мы потеряли интерес к жизни, что пережили слишком много смертей. Так много, что в них можно было захлебнуться.

— Ты странный, Кристоф,— произнесла Флора задумчиво.— Ты не доверяешь мне.

— Я не доверяю никому.

— Даже этому мальчику в библиотеке?

Вивиан вздрогнул и напрягся, поняв, что речь о нем.

— Никому, кроме кадаверциан. Будь я даханавар— не доверял бы ни одному из своих братьев.

— Почему?

— Я уже говорил почему. Вы разделены. Элита из мудрых прекрасных жриц и рядовые невежественные послушники.

— Они будут защищать нас, что бы ни случилось,— высокомерно заявила Флора.

— О да,— равнодушно отозвался Кристоф.— Они вас — будут. А вы их?.. Я сомневаюсь, что великолепная, умная Флора отдаст жизнь за молодого и обладающего выдающимися способностями Дарэла. А вот «мальчик в библиотеке» может в любой ситуации рассчитывать на мою помощь и защиту.

— Какую чушь ты несешь,— медленно, холодно возразила она.— Неужели не понимаешь, насколько дороже ценится моя жизнь, мои способности, моя сила, чем жизнь любого рядового члена клана?!

— Вот поэтому ты — Даханавар, а я — Кадаверциан.

— Да! Благородный кадаверциан! — Ее голос насмешливо дрогнул.— Почему же вас осталось так мало?! Почему вы сидите, как крысы в норе?! Кристоф, неужели ты не понимаешь, что вы уже никуда не годитесь?! Вы просто выдохлись, вас раздавят, и все ваши бесценные знания исчезнут вместе с вами!

Колдун рассмеялся весело и беззаботно:

— Так вот в чем дело. Ты печешься о наших знаниях. Даханавар мечтают сохранить древнюю мудрость кадаверциан? Похвально! А я-то думал, что ты собираешься совершить маленькую подлость — выведать наши секреты, чтобы получить побольше власти. Извини, я ошибся.

— Какой же ты мерзавец, Кристоф,— прошипела Флора сквозь зубы.— Что за манера — извращать любое совершенно искреннее желание. Ты просто помешанный некромант!

Кристоф снова засмеялся:

— Мне нравится, когда ты называешь вещи своими именами.

— А еще тебе нравится злить меня,— сказала Флора, неожиданно успокаиваясь.— Я знаю. Ты делаешь это специально. Это одна из твоих уловок, как и дурацкие вопросы и не менее дурацкие рассуждения. Какой бы ни была система нашего управления, мы существуем уже много веков, и сила наша постоянно растет. А вы скоро отправитесь вслед за леарджини.

— Что же, мысль о том, что ты заплачешь, узнав о смерти одного старого, упрямого, помешанного ка-

даверциана, будет утешать его, когда он станет гореть на солнце.

— Я разучилась плакать, Кристоф,— промолвила Флора тихо.— Иногда очень хочется, но... Слезы это слабость, а во мне осталась одна злость.

— Тогда я утешу тебя. Быть может, ты умрешь раньше меня.

— Ну уж нет! — со смехом воскликнула даханавар.— Я не умру никогда! Я буду жить вечно!

— Обещаешь? — спросил Кристоф серьезно.

— Обещаю,— ответила она весело.

— Тогда посмотри, там, на столе... Думаю, тебе понравится.

Шорох платья, негромкий стук и удивленно-восхищенный возглас.

— О Крис! Какая прелесть!

— Девятый век, бронза.

— Да, знаю! Продай мне ее!

— Продать не могу.

— Тогда подари.

— Взамен на обещание не связываться с Фелицией.

— Ладно, я подумаю... А что это внутри? Боже, Кристофер, это же... это «Жертвенный Огонь»?!

— Да.

— Заклинание асиман⁴¹! Высшая магия! Ты даришь его мне?!

— Да.

— Где ты его достал?! Как тебе удалось?!

— У меня свои пути... и методы.

— Ты прелесть! Спасибо... Но я была бы счастлива, если бы ты подарил мне заклинание «Тёмного Охотника».

— Нет! — Резкое и глухое.

— Но почему? Почему?!

— Потому что это не комнатная собачка. Его нельзя водить на веревочке. И я не могу позволить тебе ходить с Охотником в кармане. Ты просто из любопытства скормишь ему половину своего клана.

— Во-первых, я не сумасшедшая,— с достоинством произнесла Флора,— чтобы проводить подобные эксперименты. А во-вторых,— голос ее снова опасно «поплыл»,— на этом платье нет карманов. Посмотри.

— Флора...

— Я хочу, чтобы ты посмотрел...

— Флора, прекрати!

— Ты дашь мне Охотника?

— Нет!

— Нет? А теперь?

— Нет.— Голос Кристофа сел, и говорил он с явным трудом.

— А теперь?

— Н-нет...

— Ну же, решайся. Теперь тоже нет?

— Нет! — Голос учителя окреп, стал жестким и решительным.— Я сказал нет!

Секундная пауза и громкий вскрик:

— Упрямый болван!

Вивиан отскочил от двери и метнулся к креслу очень вовремя. Разъяренная Флора вылетела из кабинета и выбежала из комнаты. Спустя минуту вышел Кристоф. У него был вид человека, выдержавшего тяжелую осаду, но сожалеющего, что не сдался на милость врага. Прислонившись к дверному косяку, он смотрел Леди вслед.

— Эта женщина вьет из меня веревки.

Вивиан изо всех сил делал вид, что читает.

— И рано или поздно она добьется того, чего хочет.

— Она очень красивая.— Ученик покосился на него. Кристоф усмехнулся:

— Да. А кроме того, эгоистичная, умная... и очень ранимая. Она считает, что может все. Слеплена своей силой, но так беззащитна. Флора хочет всего — власти, денег, развлечений... И чем больше получает, тем больше ей нужно.

Он вздохнул и провел ладонью по лбу, словно пытаясь стереть тяжелые мысли.

— Она пытается манипулировать мной. Я прекрасно это вижу, но тем не менее ей это удается.

— А почему ты не дал ей то заклинание?

Кристоф иронично приподнял бровь, поняв, что ученик подслушал разговор, но ничего об этом не сказал.

— Эти знания должны быть доступны только кадаверциан. Лишь мы умеем в совершенстве управлять существами потустороннего мира... И все-таки я научил бы Флору, пусть она и сожгла бы дотла весь город и всех своих братьев в придачу. Но эта магия уничтожит ее саму.

«Он любит ее! — понял Вивиан, но у него хватило ума не произнести этого вслух.— Любит и боится потерять». Молодой кадаверциан вдруг по-новому увидел своего наставника. Мудрый, спокойный, уверенный Кристоф ходил по кабинету, бесцельно передвигая статуэтки на полках. И не нужно было быть телепатом, чтобы понять, о ком он думает.

Ученик сделал вид, что снова уткнулся в трактат, а Кристоф, побродив еще немного по библиотеке, удалился.

Следующие полчаса прошли спокойно, но Вивиану так и не удалось постичь суть мудрых изречений — в дверь позвонили, и спустя несколько секунд вошел новый посетитель.

Высокий, светловолосый, с открытым мужественным лицом и той же брызжущей через край энергией,

что отличала Флору. Казалось, ему не больше двадцати пяти, но Вивиан уже научился не доверять внешнему облику.

— Привет, — гость улыбнулся. — Я Дарэл Даханавар.

— Вивиан.

— Где Крис?

Про себя ученик удивился популярности Кристофа в клане Леди.

— Его нет дома, он...

— Ничего подобного, я его чувствую. Где-то... где-то — там!

Дарэл указал на коридор, ведущий в западное крыло дома, и Вивиан понял, что перед ним великолепный сканэр. Пришлось признаваться.

— Да. Кристоф дома, но просил его не беспокоить. Он очень занят.

— Ко мне это не относится. — Парень легкомысленно улыбнулся и уверенно направился к комнатам Мастера Смерти.

Вивиан нехотя пошел следом.

Колдуна они нашли без труда. Дарэл прошел мимо библиотеки, лаборатории, спален и кабинетов и безошибочно толкнул дверь спортивного зала.

Открывшееся зрелище впечатляло. Кристоф двигался легко и стремительно, нанося молниеносные удары в голову и грудь воображаемого противника. Широкое лезвие фальчиона выписывало в воздухе сверкающие круги и зигзаги. Периодически шумное дыхание колдуна срывалось на короткие, резкие вскрики перед особо сильным ударом, и после него на манекене оставалась глубокая длинная зарубка.

Учитель снова удивил Вивиана. И хотя он не промолвил ни слова, Дарэл, искоса глянув на него, усмехнулся:

— Кристоф тренируется так довольно часто.

— Но зачем? Он же может победить любого врага магией.

— Может,— лениво отозвался Дарэл, усаживаясь на пол у стены,— однако зачем бить из пушки по воробьям? Не стоит тратить внутренние резервы силы, если можно решить проблему проще. И, кроме того, поверь, ему это нравится.

Кристоф никак не показал, что заметил в зале зрителей. Он довел тренировку до конца, последним мощным ударом разрубил манекен пополам и бережно протер сверкающий клинок.

— Ты, как всегда, великолепен, Крис,— рассмеялся Дарэл.

Кадаверциан поднял брошенную на пол рубашку, оглянулся и повторил вслух недавнюю мысль Вивиана:

— Последнее время я пользуюсь в клане Даханавар бешеной популярностью.

Дарэл прищурился, и под маской жизнерадостного, довольного собой и окружающими парня, которую он очень успешно носил, мелькнуло вдруг другое лицо — настороженное, с острым пронзительным взглядом.

— Что, мамочка была здесь? Можешь не отвечать — была. И зачем?

— Мы обсуждали проблемы воспитания и нравственности.

Дарэл задумался. Глаза его потемнели и сузились. Он был недоволен новостью.

— Странно,— сказал он, наконец.— Мне это совсем не нравится.

— А мне нравится, что Флора заходит,— ответил Кристоф, улыбаясь.— И даже очень.

— Она что-то затевает, но я никак не могу понять что.

— Прочти ее мысли.

Кадаверциан стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее, чуть прищурившись. Флора даже приблизительно не представляла, сколько времени он уже находится здесь, наблюдая.

— Я начала разговаривать вслух сама с собой? — Ни единым жестом она не выдала своего волнения. Улыбнулась. Но некромант продолжал пристально рассматривать ее, и даханавар вновь с досадой почувствовала, что иногда магия ее очарования на него не действует.

— Ты начала думать очень громко.— Кристоф по-прежнему стоял у двери, не делая попыток подойти.— А на моей памяти это случалось дважды. Первый раз, когда ты натравила на меня Акселя Тхорнисха, чтобы проверить мой магический потенциал...

Флора нахмурилась, нетерпеливо постукивая носком туфельки по полу. Встреча началась не совсем так, как она рассчитывала.

— Ты, кажется, была с ним очень... дружна, до тех пор пока не поняла, что некоторые боевые заклинания кадаверциан мощнее, чем магия клана Нахтцеррет⁴⁹. А второй раз...

— Может быть, достаточно?! — воскликнула она резче, чем хотела.— Я пришла сюда не для того, чтобы вспоминать недоразумения прошлого.

— Недоразумения? — Он насмешливо поднял черные брови.— Вот как это называется...

И она снова с досадой подумала, что Мастер Смерти — не Эд, которого можно заставить делать все что угодно, одним щелчком пальцев, не Дарэл и даже не Аксель Тхорнисх, ставший в конце концов вполне управляемым. Колдун был упрям не меньше, чем она, и не менее горд.

— Именно так! Это было давно. Тогда я еще не... — Флора запнулась.

МИР НА
ГРАНИЦЕ
ИЗНАНКИ

ОСОБЫЙ ПОЧТОВЫЙ

ГЛАВА 1

В которой происходит неожиданная встреча, повлекшая за собой еще более неожиданные, но крайне неприятные для нас последствия

Мало хорошего, когда по тебе стреляют пушки. Еще хуже — если без всякого зазрения совести лупят прямой наводкой все тридцать два орудия правого борта.

Хотя, если подумать, совесть и гном — вещи столь же несовместимые, как ум и гоблин или огр и чувство юмора. Впрочем, чихать я хотел на совестливых гномов. Ненавижу бородатых недомерков совсем за другое — их страшную паранойю. Каждому недоумку известно — именно по этой причине находиться поблизости от гномьего племени — значит, рисковать своей головой.

Подгорные бойцы столь подозрительны, что стреляют много, часто и обычно во все, что имеет глупость пошевелиться в их присутствии. Этот склочный народец, как только ему предоставляется случай, пускает в ход, что под руку попадет — начиная от абордажных секир и заканчивая тридцатифунтовыми ядрами, заряженными какой-нибудь магической дрянью.

Даже предполагать не буду, отчего недоростки взелись на нас с Огом. То ли решили, что мы хотим разжиться за их счет, то ли им не понравилась шме-

линая расцветка «Ласточки», то ли попросту маялись от безделья.

Едва стреколет выскочил из облаков, как галеон «Ост-Горхайн-гномской компании» отсалютовал нам залпом. Слава духам воздуха — наша малышка невелика и быстра. Не то что гномье корыто. Когда правый борт галеона харкнул огнем и дымом, я выжал из демона, заключенного в стальное брюхо стреколета, все, на что тот был способен.

Мое перышко клюнуло носом, ухнуло вниз и поднырнуло под днище воздушной громадины. Возникни у меня такое желание — я бы дотянулся рукой до яркого кия, так близко мы пронеслись от него.

Сидевший в передней кабине Ог обернулся, в защитных очках его старого шлемофона отразилось солнце. Приятель открыл пасть, но ветер сожрал слова, и я услышал лишь:

— В...ка! В...ка!

Скрыться в облаках — вполне здравая мысль. В особенности если видишь, что еще и фрегат, неожиданно вынырнувший в пяти сотнях ярдов, поспешно разворачивается и тоже открывает пушечные порты.

Ог вновь обернулся и что-то проорал. Судя по его взбешенной зеленой морде — проклинал меня за медлительность. Вот только чтобы добраться до этих самых облаков, следовало пролететь больше мили под прицелами вражеских пушек, «молний» и магов. Бородастые, конечно же, не преминули воспользоваться этим обстоятельством. Сочли «Ласточку» жирным селезнем, который только и ждет, чтобы его подстрелили.

У меня над ухом раздался такой звук, словно пьяные великаны в бешенстве разрывают собственные тусы. Щит верхней полусферы мигнул холодным огнем. Зенитчики, заberi их Небо! Клянусь той дрянью, что мы перевозим,— краску они нам с борта ободрать

умудрились. Вот теперь Ог точно разозлится! Опять ему махать кисточкой.

Я чуть отклонил нос в сторону, чтобы сбить им прицел, развернул стреколет и избежал заградительного огня фрегата, не пожелавшего пропустить нас. Пришлось вертеться. Надо бы проскочить где-нибудь в другом месте, подальше от дальнобойных орудий. Я старался держать «Ласточку» так, чтобы корпус галеона находился между ней и выставкой оружия недоростков, сиречь фрегатом. К последнему не стоило приближаться за все сбережения бородатых — чудовище, при должной удаче, разнесет нас в пыль и не поморщится.

Проносясь мимо носа галеона, я умудрился прочесть его название — «Всепрекраснейшая и всеюнейшая, всепотрясающая и всенедоступнейшая фрекен Ум-Горх Валентина пятая». Гномы большие оригиналы — придумают так, что язык сломаешь и мозги свихнешь, прежде чем умудришься запомнить.

Что-то вжикнуло, и наш магический щит лопнул, точно был сплетен из стекла, а не из лучших отражающих чар. «Ласточку» тряхнуло. Да так, что у меня от неожиданности клацнули зубы.

На нас с ревом рухнула пара серо-синих «Молотов Глубин», атаковав со стороны задне-верхней полусферы. Вот уж не знаю, где они были раньше, но появились совершенно не вовремя.

«Молоты» очень похожи на своих создателей — гномов. Приземистые, несуразные, закованные в броню. Щитов на них намотано больше, чем капустных листьев вокруг кочерыжки, а орудий убийства бородатые и вовсе не жалеют. Вешают на стреколеты все, что найдут на оружейном складе.

Я не собирался мериться с ними силенками. Будь у меня «Серебряный источник» или «Развратник» —

другое дело. А вот когда управляешь быстрым, но слабым «Шершнем» — не до воздушных схваток с тяжеловесами. Ребятам только волю дай — поймают под перекрестный огонь или, того хуже, затянут в карусель. Сам не заметишь, как окажешься под главным калибром фрегата и получишь в задницу стаю огнепчел или еще чего похуже.

Они словно читали мои мысли. Первый попытался исполнить роль загонялы. Второй держался в некотором отдалении, предоставляя товарищу возможность превратить нас в решето.

Пришлось заставить «Ласточку» показать, на что она способна. Земля и небо завертелись перед глазами, как ошпаренные. Облака оказывались то вверху, то внизу. Огнепчелы алыми трассерами разрывали воздух в опасной близости. Пока ребята мазали, но долго так продолжаться не могло — рано или поздно либо у них улы опустеют, либо у нас удача кончится.

С набором высоты и скоростью у «Молотов» не все гладко, поэтому я решил сыграть в старую игру. Уходил вверх до той поры, пока скорость не стала падать, а затем завалил «Ласточку» на правый борт. Отжал рукоять жезла от себя и вместе с воем ветра сорвался вниз.

Гномы, конечно же, клюнули. По-другому и быть не могло. В бою и азартных играх это племя забывает о такой замечательной вещи, как мозги. Летуны, совершив неполную петлю, рухнули за нами, словно грифы за брошенным со скалы куском мяса. Они разве что не визжали от восторга, правда, на наше счастье, продолжали безбожно мазать. Падение вышло веселым и затяжным. Я едва не пропустил момент, когда следовало выровнять стреколет по горизонту. Невидимая сила тут же вдавила нас в кресла, в глазах на краткое

мгновение потемнело, и я вполне мог представить себе, каково сейчас гномам.

Недомерки явно забыли, что «Молот» — это не «Шершень», и так просто на нем из пикирования не выйти. Слишком тяжел и медлителен. А уж когда он хорошенько разгонится — и вовсе превращается в тупой неуправляемый булыжник. Гномы не экономят на защите и оружии. И иногда это играет с ними злые шутки. В особенности на критических высотах.

Одному из них повезло. Он худо-бедно смог выровнять своего увальня, едва не черпанув брюхом соленой воды. А вот его запальчивому приятелю счастье не улыбнулось. Гном нырнул без всякой надежды на скорейшее всплытие.

Прежде чем уцелевший преследователь успел очухаться, я крутанул на прощание «бочку», нырнул в облака и был таков.

Нас сразу же потеряли, «Ласточка» легла на курс домой, и тут у Ога случился припадок. Приятель повернулся ко мне и начал вопить.

Орет он — будь здоров. Но я сделал вид, что оглох и ослеп. Провернуть подобный трюк не так-то просто. В особенности если тот, кто кричит, в три раза тяжелее тебя. Не знай я Ога, пожалуй бы, испугался. Клыкастая морда, здоровые лапы, свирепые глаза. Да и что взять с дикого орка?

Когда вопли достаточно насладили мой слух и стало понятно, что на этот раз мне не услышать о себе ничего нового, — я улыбнулся и помахал рукой, говоря тем самым, что все не так уж и плохо.

В ответ напарник, зло сплюнув, отвернулся.

Просто душка. Кому скажи, что он мой компаньон и мы вместе рассекаем небо уже восемь лет, — не поверят. Обычно у такого, как я, и у такого, как он, мало общего. Но мы по доброй воле оказались в одной

упряжке, и до сих пор ни один из нас другого не убил.

Что удивительно.

Сегодня партнер отчего-то счел, будто я виноват в том, что мы наравались на конвой.

Хотя встреча и впрямь была очень странной. Не спорю. Недомерки — ребята осторожные. Так близко от Черепашьего острова отродясь не ходили. Бородастые гады знают, что даже в сопровождении хорошо вооруженного фрегата может возникнуть масса проблем, если они нарвутся на кого-нибудь из ловцов удачи, в особенности — на Черного Ага с его бандой.

Что галеон подземного племени забыл в такой дыре, как наша? У них же есть свои, налаженные и хорошо охраняемые фарватеры. Какого, спрашивается, Неба полезли туда, где полно пиратов?!

Что дела не так хороши, как хотелось бы, я понял где-то через полчаса после выволочки. Ог подозрительно быстро остыл. На него это было не похоже. Обычно если орк начинал нудеть, то занимался этим целую неделю, а то и больше.

Судя по двум рядам ровных дырок, тянущихся от носа до кабины напарника, нам крупно повезло, что мы все еще живы, а не летим к праотцам. Получить в борт целую очередь огнепчел — не шутка. От такого загибались и более крупные птицы, чем наша...

Ог поднял вверх указательный палец и покрутил им в воздухе. Это означало «прибавь ходу». Я сделал, как он просит, и тут же почувствовал сопротивление со стороны демона. «Ласточка» шла на пределе минут двадцать, слушаясь управления все хуже и хуже, а затем одна из трех Печатей, удерживающих тварь Изнанки, выгорела.

Едкий черный дым повалил из простреленного корпуса, и мы начали медленно снижаться.

— Сможешь что-нибудь сделать?! — проорал я.

Ог, занятый лихорадочными расчетами на каббалистической доске, лишь пожал плечами, но затем все же соизволил рывкнуть:

— Все три Печати повреждены!

Понятно, куда он клонит. Рано или поздно цепи выгорят, и демон вырвется из «Шершня», превратив стреколет в грудку бездушного железа. Кстати, последнее уже начинало происходить — «Ласточка» на глазах превращалась в упрямого осла, то и дело рыская вправо-влево или, того хуже, пытаясь начать сваливание⁵⁰. Вцепившись в жезл обеими руками, я прилагал массу усилий, чтобы удержаться на прежнем курсе.

Пузатое, точно переспевшая вишня, солнце ныряло в море, явно предрекая нам такую же участь. Вот-вот должно было стемнеть. В тропиках с этим быстро — не успеешь оглянуться, вокруг уже ночь. Похоже, мы не успеем добраться домой до темноты, а значит, придется ориентироваться едва ли не вслепую.

— Дотянешь?! — проревел Ог.

— Не знаю! У тебя есть чем расшевелить этого парня? Мы снижаемся слишком быстро!

— Работаю!

— Пошевелись, если не хочешь добираться до берега вплавь!

Потянулись бесконечно долгие минуты. Дважды рычание демона почти стихало, и тогда мы проваливались вниз сразу на несколько десятков ярдов. Моя спина взмокла от пота, руки затекли, ладони горели, ноги на педалях высоты стонали от напряжения.

В этот момент в кабине Ога полыхнуло — напарник всадил в доску одну из своих бесценных рубиновых игл. Орк нашел точку и умудрился на время замкнуть

цепь, создав призрачную Печать. Демон разочарованно взревел, но к «Ласточке» вернулась прежняя скорость.

Компаньон показал мне большой палец, я в ответ сделал то же самое. Возможно, нам не придется принимать соленую ванну. Судя по сфере — осталось немного. Но горизонт оставался пустым. Никакого намека на знакомые места — вокруг сплошь неуютное море.

На фоне быстро темнеющего неба появились две точки. Они быстро приближались, и вот я уже мог разглядеть черные силуэты «Развратников».

«Ласточку» почтил своим вниманием Патруль — ловцы удачи на службе у губернатора. Они поравнялись, узнали приметную расцветку «Шершня», покачали боками, показывая, что отведут к дому. Еще бы им этого не сделать. За доводку каждого поврежденного стреколета платят неплохие деньги. Так сказать, принцип «служить и защищать» в действии.

Один из ловцов пристроился впереди, другой держался позади и чуть выше. Сейчас меня это даже не нервировало — я был слишком занят, чтобы думать об их пушках.

Сумерки казались густыми и вязкими, как всегда в новолуние. Мы продирались сквозь них, словно через густую патоку. Впереди показались две одинаковые скалы со срезанными верхушками, и я обрадовался им, словно старым друзьям. До Большой земли осталось всего ничего.

Мы подходили к Черепашьему острову с севера, со стороны дикого берега. Здесь на многие мили — сплошные обрывистые морские скалы, за которыми начинаются невысокие горы, покрытые джунглями. Поблизости нет пригодных для посадки мест, нам следовало перетянуть через хребет к южному берегу.

Под животами обоих «Развратников» полыхнуло тревожно-алым. Сопровождаемые блуждающими огнями, они рассекали тьму, предупреждая Логово о том, чтобы очистили док для аварийной посадки. Он пошуровал в кабине и выпустил на волю наших ручных огоньков, заставив их вспыхнуть по бокам корпуса.

Горы придвинулись вплотную, я потянул жезл на себя, но «Ласточка» не желала набирать высоту. Мы шли на предельной скорости, в опасной близости от пальм, торчащих на сплюснутых вершинах. Демон, чувствующий скорую свободу, будил воем птиц, спящих на деревьях. Те минуты, что мы шли над Вараньим хребтом, показались мне вечностью. Очень не хотелось в последний момент врубиться носом.

И Небо миловало.

Мы пролетели над чередой водопадов, затем над извилистой лентой реки, почти теряющейся в густых джунглях. Силуэты стреколетов отразились в беспокойной воде. Сельва промелькнула в мгновение ока, и на горизонте показались огни Сан-Винсенте, расположенного на берегу большого залива.

В этот момент призрачная Печать лопнула, захватив с собой еще одну. От оглушающего рева у меня заложило уши. Уверен, мы умудрились разбудить и перепугать все окрестности.

...«Ласточка» неслась вперед, точно заговоренная, с каждой секундой опускаясь все ниже. Кажется, напоследок демон решил нас угробить. В брюхе стреколета трещало. Даже сквозь рев и вой ветра я слышал, как отрываются заклепки и рвется металл. Дым из носа валил такой, что с трудом можно было различить, что творится прямо по курсу.

Летевший впереди «Развратник» ушел вверх, тем самым показывая, что дальше нам придется выкручиваться самостоятельно. Промелькнули волны залива, затем узкая белая полоска пляжа, и мне едва хватило

времени, чтобы справиться с упрямым куском железа и выровнять его по центру посадочной полосы, по периметру которой призывно мигали огни фэйри.

Я кое-как приподнял нос стреколета, дождался, когда до земли осталось всего ничего, и приложил перстень с камнем Развоплощения к последней уцелевшей Печати. Сразу же наступила оглушающая тишина — мощная магия артефакта усыпила демона. Мы потеряли скорость, и Логово нависло над «Шершнем», ослепляя меня ярким светом.

Под тревожное завывание прикормленных Туллом латимер, едва не задев верхнюю балку разгрузочной линии, мы врубались в пятый док. От удара о землю стойка передних шасси с душераздирающим хрустом лопнула, и «Ласточка» клюнула носом. Резкий рывок вперед, тут же — назад. В плечи, грудь и живот впились паутинные ремни, вжимая нас в кресла так, что стало тяжело дышать.

Мы без всякого управления пролетели на брюхе еще ярдов сорок, осыпая искрами все помещение. Потом стреколет вылетел с полосы, мимоходом задел огромный остов старого бота. От удара его развернуло, протащило еще несколько ярдов и вбило в каменную стену.

ГЛАВА 2

В которой повествуется о лепреконах с отсутствием совести, но очень большими средствами, нажитыми не слишком честным трудом

Когда я открыл глаза, то понял, что Золотой Лес не спешит брать одного из своих детей под сень дубов. Вот уж в чем можно быть уверенным точно, так это в том, что в эльфийском загробном мире нет места для орков. А раз на меня таращится Ог, значит, я все еще

жив и нахожусь на Черепашьем острове после не самой лучшей из своих посадок.

Компаньон уже успел выбраться из кабины и теперь с мстительным видом держал у меня под носом какую-то тошнотворно воняющую дрянь.

— Ы-ы-ы! — сморщился я, отодвигаясь от нее, насколько это позволяли ремни. — Убери!

— Как вижу, ты жив, — сухо произнес он, закручивая пробку пузырька. — А я уж начал думать, что мне некому бить рожу.

— Ты сейчас не в той форме, чтобы драться, — произнес я, избавляясь от ремней.

Он молча протянул руку, помогая мне выбраться. Я спрыгнул на землю и стянул с головы шлемофон. Несколько секунд мы простояли в полной тишине, изучая повреждения стреколета. Затем я несколько виновато протянул:

— М-да... Бывало и хуже, а, партнер?

Ог сплюнул:

— Бывало?.. Мне не хватит пальцев, чтобы подсчитать ущерб, но и так могу выдать тебе окончательный ответ. Мы в полной заднице, партнер. А вот и Тулл...

Я заметил спешащего к нам лепрекона. За ним, едва поспевая, бежали два демонолога.

— Забери меня Небо! Вам жить надоело?! Проваливайте!

Вопил старый высохший стручок не зря. Демона я, конечно, усыпил, но последняя Печать держалась на соплях. Если сторит — чудовище вырвется на волю, и лучше бы в этот момент находиться от него как можно дальше. Вряд ли тварь будет довольна тем обстоятельством, что ее выдернули из Изнанки и гоняли целых десять лет без отдыха.

Мы пошли прочь, оставив магов наедине с потусторонней гадостью. Надеюсь, Тулл не зря платит им

деньги, и они спеленают нашего малыша. Не хотелось бы тратить несколько сотен луидоров на нового. За последний год из-за амбиций гномов цены на живущих в Изнанке существ подскочили вдвое.

— Хреново сел, Лас, — сказал мне владелец Логова, когда мы покинули док.

— Ты считаешь?

— Хреново для моего бизнеса, — уточнил он. — С точки зрения летунов, ты, конечно, молодец. Другие бы костей не собрали.

— А что с твоим бизнесом? — Я соорудил невинную рожу.

— Не придуривайся. Вы разворотили все, до чего дотянулись. Теперь несколько дней на посадку никого не завести. Неужели не видишь, что пропахали целую межу, умники?

— Не бухти. Ты вполне можешь на этом заработать приличную монету.

— Это как? — Лепреккон, чувствуя подвох, подозрительно прищурил зеленые глаза.

— Ну... разбей здесь плантацию, посади кофе и продай его куда-нибудь на север. Моим родичам, к примеру. Поверь, затраты окупятся сторицей. Эльфы обожают этот напиток.

Его едва удар не хватил от моей наглости. Тулл поперхнулся, затем побагровел и, раздраженно шипя, начал подниматься по витой металлической лестнице в Гнездо. Ог хмуро посмотрел на меня и двинулся следом за лепреконом.

Ничего не скажешь — повезло. Из сотен тысяч возможных напарников и работодателей мне попались именно те, у кого нет и намека на чувство юмора.

Кабинетом Тулла являлся, по сути дела, огромный стеклянный стакан. Он находился на склоне Логова—

самого большого прибрежного холма Сан-Винсенте. Отсюда открывался прекрасный вид на залив, часть города и окрестных гор.

Старый стручок любил водрузиться на стул, закинуть ноги на стол, снять с башки зеленый цилиндр и наблюдать, как стреколеты заходят на посадку в его доки. Каждая посадка — звонкая монетка, капающая в его карман. Любой бы с удовольствием наблюдал да подсчитывал барыши.

Кроме Логова на Черепашьем острове есть еще три площадки, куда можно приземлиться, вдоволь накрутившись в небе. Но все они обладают массой отрицательных качеств, начиная от цены за стоянку и заканчивая нежелательной публикой, которая постоянно околачивается возле чужих птичек. К тому же мы вели дела через Тулла и не видели необходимости коптиться в Яме, Дыре или Приморском бризе. Конечно, в наших краях имелись и куда более приличные места, чем эти, но они не для таких ребят, как мы. Рожками и кошельками не вышли, чтобы торчать рядом с благородными.

Тулл, не предложив нам сесть, развалился за столом, достал из верхнего ящика янтарную расческу и, по своему обыкновению, начесывал огненно-рыжие бакенбарды до тех пор, пока те не встали дыбом.

Я с трудом сдержал усмешку. Понятия лепреконов о красоте несколько отличались от тех, что приняты во всем остальном цивилизованном мире. Мало того, что у них рыжие бакенбарды и шевелюра. Так еще и повседневный костюмчик этого народца — ядовито-зеленая одежда, малиновые носки, лакированные ботинки с серебряными пряжками и обязательная трость из слоновой кости. Про парадный наряд вежливо умолчу. От его вида сходят с ума даже спокойные тролли.

В ответ она показала мне большой палец и довольно улыбнулась.

— Умеешь обращаться с этой штукой? — спросил я про легкую «молнию», закрепленную на подвижном лафете перед ее кабиной.

— Справлюсь! — Она взялась за две гладкие отполированные рукоятки. Повела бронзовым стволом из стороны в сторону, впрочем, стараясь не касаться пальцем спускового кристалла магической энергии.

Минут через пятнадцать Ог закончил колдовать над каббалистической доской, и в шаре засеребрился нужный мне курс. Стараясь держать высоту две тысячи ярдов и прижимаясь к облакам, «Вдова» полетела четко на юг.

Так прошел час, облачный фронт закончился, и мы оказались в чистом небе. Гира крикнула, привлекая мое внимание. Милях в трех, гораздо ниже нас, над морем двигались три точки.

«Месяцы».

Я ожидал этого. Тони не мог так просто отпустить нас. Убегать не имело смысла — не отстанут. Да и прятаться поздно — даже зеленоротому новичку-летуну по их маневрированию было бы понятно, что нас заметили.

Трое против одного — плохой расклад. К тому же у Ага опытные летуны, а их стреколеты — серьезные противники. Единственное, в чем наше преимущество — это «Вдова». У нее гораздо более свирепый демон и гораздо более мощное оружие, чем у «Месяцев». Главное, не вести бой на малых высотах. Там наша птичка становится ужасно капризной.

— Летим быстрее! — крикнула Гира.— Ну что же ты?!

— Бесполезно! Не отстанут! Лучше отбиться!

**ИСТОРИИ
РАЗНЫХ
МИРОВ**

Oleg Yudin · 2006 ·

ДОЖДЬ

— Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь...

Будет ласковый дождь, будет запах земли,
Щебет юрких стрижей от зари до зари,
И ночные рулады лягушек в прудах.
И цветение слив в белопенных садах;
Огнегрудый комочек слетит на забор,
И малиновки трель выткет звонкий узор,
И никто, и никто не вспомнит войну:
Пережито-забыто, ворошить ни к чему.
И ни птица, ни ива слезы не прольет,
Если сгинет с Земли человеческий род.
И весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.

Р. Брэдбери. Марсианские хроники

Далеко на западе, там, где шумел океан, небо наливалось темно-лиловым. На самой границе горизонта росла тоненькая полоска грозовых туч. Дождь. Здесь, в пустошах, его не видели уже очень давно. Грозовой фронт еще ни разу не добирался до этих мест, хотя до океана было не больше восьмидесяти миль.

По иссохшей земле медленно шел человек. Из-под его саперных ботинок, подбитых тонкими металлическими пластинами, сизыми облачками поднималась пыль. Это был высокий сутулый старик с нелепо длинными руками и ногами, с осунувшимся, пепельно-серым лицом. Дубленая всеми ветрами кожа обтягивала его скулы, неровно подстриженная борода неопрятными клочьями торчала во все стороны, из-под дырявой соломенной шляпы виднелись седые волосы, собранные в хвост. Обкусанные, потрескавшиеся от полуденного зноя и недостатка влаги губы. Грязный,

истершийся на коленях и локтях серо-голубой комбинезон. Пустой вещмешок с одной оборванной лямкой.

Бродяга — один из тех, кого называют перекаати-подем пустошей. Такие ребята странствовали по всему континенту. А точнее, по его жалким, пригодным для жизни останкам. За спиной старика висело старое однозарядное охотничье ружье — даже нищие не осмеливались перемещаться без оружия, пускай и самого паршивого.

Человек привычным жестом потер запястье правой руки, которое украшал золотой браслет в виде змейки. И, преодолевая усталость, продолжил путь.

Земля, по которой он шел, на мили вокруг была мертва. Она растрескалась от солнечного жара, и лишь чудом можно объяснить, что кое-где уцелели чахлые полузасохшие деревца и серая трава. Растения отчаянно вцепились в почву, стараясь выжать из нее хоть немного влаги.

Слева от путника, с запада на восток, тянулись железнодорожные рельсы с занесенными песком шпалами. Памятник довоенного мира. Кусочек недостижимой и прекрасной жизни, когда дожди шли часто, а мертвой земли, изъеденной радиацией, не было и в помине.

В полдень силы оставили старика. Он споткнулся. Упал. С трудом перевернулся на спину. Темно-лиловая, кое-где иссиня-черная полоса разрослась по всей линии горизонта, набухла, как переполненный бурдюк. Гроза и дождь. Обидно, что они не приходят на эту сухую землю. Тучи, будто заговоренные, останавливаются на границе и проливают драгоценную влагу в океан.

Дождь. В груди бродяги защемило от тоски. Боль, которая, казалось, навсегда спряталась глубоко под

сердцем, поднималась наружу. Она расцвела тускло-серым цветком и, достигнув своего апогея, разбудила то, чего старик очень сильно боялся. Сквозь сухие ветры времени, дующие над мертвыми пустошами и развалинами облученных городов, сияющих призрачным светом, немилосердно просыпалась память.

Дождь... Сколько лет он не видел этого чуда?..

Маленький поселок к востоку от Нового Утеса. Он, десятилетний мальчишка, вместе с ватагой таких же полуголодных невымытых детей.

На старом аэродроме ребята играли в «Крыс и охотников». Между ржавыми остовами военных самолетов, так и не успевших подняться в небо, когда началась Последняя война, сбросившая человечество в выгребную яму безумия. Именно тогда он впервые увидел дождь. Быстрее...

— ...Дэйл!

Крик Келли заставил его выскочить из ямы с оплывшими от времени краями. Топая босыми ногами по раскаленной от полуденного жара земле, он поспешил за девчонкой. Та неслась впереди, и ее грязный балахон развевался на горячем ветру. Справа и слева ржавые скелеты бомбардировщиков грозно нависали над бегущими по пыльной тропинке.

Он все время видел спину Келли. Девочка была проворна, и, чтобы не отставать, приходилось очень стараться. Тропинка резко вильнула, уводя детей к далеким, осыпающимся от времени останкам ангаров. Келли ворвалась в высокую сухую траву, разгоняя громко стрекочущих кузнечиков. Насекомые испуганно брызнули в стороны.

Легкие болели, глаза заливал едкий пот, но Дэйл все бежал и бежал. Так уж случилось, что им сегодня

предстояло быть «крысами», а Джеймсу и компании повезло стать «охотниками».

Подруга резко остановилась и упала на землю, подмяв траву. Дэйл шлепнулся рядом.

— Чшш,— прошипела Келли, прикладывая грязный палец к губам. Ее карие глаза настороженно сверкнули.— Они рядом.

Мальчишка прислушался.

— Ищите их, ребята. Они где-то здесь.— Голос прозвучал, казалось, над самыми головами.

— Слушай, Джеймс. Давай уйдем отсюда. Если взрослые нас здесь увидят, то устроят трепку,— выкнул Мэтью.

— Заткнись, Мэт. Делай, что я тебе сказал!

Раздалось недовольное бурчание. Откуда-то спереди послышалось мерзкое хихиканье толстого Сопли.

— Сопля с ними! Этого только не хватало,— почти не разжимая губ, прошептала Келли.

У Сопли с девчушкой были свои счеты: она однажды засунула толстяку за шиворот дохлую крысу. Естественно, воняло от тухлятины на целую милю, и мальчишка визжал от ужаса и отвращения, пытаясь вытащить ее из-под грязной майки. Теперь он жаждал крови, и, попадись Келли в его потные, вечно грязные руки, ей пришлось бы худо.

— Вон они! — внезапно крикнул Мэт.— Я их нашел!

Дети испуганными зверьками выскочили из укрытия и устремились прочь. Казалось, еще совсем чуть-чуть, и они вырвутся из окружения, но на пути выросла туша Сопли, и ребятам пришлось отскочить к старенькому «Фантому». Троица «охотников» с наглыми улыбками на грязных физиономиях медленно приближалась. Дэйл вжался в борт самолета, но тут же с

шипением отскочил: солнце нагрело металл, и плечо обожгла боль.

— Ну что, попались? — произнес Джеймс, растягивая слова.— Думали, от нас так просто уйти? Вы проиграли.

— Ну и ладно.— Дэйл как можно небрежнее пожал плечами.— Идем, Келли.

— Не так быстро,— ухмыльнулся Сопля.— Ты можешь идти, а вот твоя подружка останется здесь. За мной должок.

Дэйл молча отступил назад. Оставить Келли одну — значит расписаться в собственном бессилии. А он на такое никогда не пойдет.

— А-а-а,— заржал Мэт, выглядывая из-за спины Джеймса и морща прыщавый нос в радостном возбуждении.— Жених и невеста!

— Ну что, лысая, поговорим? — спросил подошедший к беглецам Сопля и протянул к Келли толстую руку.

— Я не лысая,— зло оскалилась Келли.

— Конечно нет.— Улыбка подошедшего к девочке толстяка была ужасной.— Но скоро будешь.

Дэйл было рванулся к Келли на помощь, но она и сама не растерялась и ловко пнула Соплю между ног.

— Ой! — тоненько пискнул тот, схватившись обеими руками за место, куда бить уж никак не полагается.

Лицо Сопли стало бордовым, глаза закатились, он, не отнимая рук, шлепнулся на колени, а затем растянулся на пыльной земле, тихонько завывая тоненьким писклявым голосом.

Джеймс от удивления замер на месте, и Дэйл, решив воспользоваться секундным замешательством, бросился на растерявшегося противника. Не успел. Перед

его лицом мелькнул кулак, а затем в носу тысячью иголок взорвалась боль. На глаза навернулись слезы.

— Ну что?! Получил?!

Чья-то безжалостная рука схватила за волосы и потянула вверх. Он раскрыл глаза, мир снова обретал краски. Перекошенное, злое лицо Джеймса, бледный Мэт, стонущий Сопля. Келли что-то кричит и размахивает палкой, зажатой в руке...

С безоблачного неба на лоб Дэйла упала тяжелая капля, следующая угодила Джеймсу по облупленному солнцем носу, взорвалась тысячью мелких сияющих камешков-брызг. За первыми каплями упали другие. Враг от удивления разжал руку, и боль отступила.

Тяжелые дождевые слезы сотнями падали с бездонно-голубого неба, на котором не было ни облачка. Барабанили по лицам живительной в лагой, питали высохшую землю, даря жизнь и восторг, долбили по плечам, по голове, намочили волосы, стекали по лицу.

— Дождь. Кажется, это называется дождем,— произнесла девочка.

Впервые за десять лет короткой жизни дети видели, что вода приходит не из колодца, а с неба.

Не обращая внимания на текущую из носа кровь, Дэйл подставил лицо под брызги. Засмеялась Келли, засмеялся Джеймс, засмеялся подошедший к ним Мэт, даже Сопля перевернулся на спину и хохотал.

Дождь. Обыкновенная вода с неба. Маленькое чудо для вечно засушливых пустошей, где поселки возникают только возле колодцев. Оно смыло враждебность, разбило войну и распри детей на тысячу мелких осколков, которые уже никогда нельзя будет собрать вместе. Пятеро чумазных ребят среди мертвого мира радиоактивной пыли. Дождь навсегда помирил их. Наверное, это был самый прекрасный...

ПРИМЕЧАНИЯ

МИР СИАЛЫ

¹**Авендум** — столица королевства Валиостр. Крупнейший и самый богатый город.

²**Доралиссцы** — раса козлолюдей, обитающих на юге Сиалы, в степях Унгавы. Отличается недалеким умом и склочностью характера.

³**Пирсы** — район Авендума, расположенный на берегу моря.

⁴**Заказ** — договор, который заключают между собой мастер-вор и клиент. Вор обязуется доставить нужную вещь, а в случае неудачи вернуть задаток и процент от общей суммы сделки. Клиент обязуется расплатиться после получения интересующего его предмета. Расторгнуть Заказ можно только с обоюдного согласия обеих сторон. Вора, нарушившего сделку, ждет полоса серьезных неприятностей, поскольку ответственность за ее совершение берет на себя сам Сагот.

⁵**Сагот** — один из двенадцати богов мира Сиалы. Покровитель воров, мошенников, плутов и шпионов.

⁶**Храд Спайн** (называемый также Костяные дворцы) — гигантские подземные катакомбы и дворцы, где огры, орки, эльфы, а затем и люди хоронили своих павших воинов.

⁷**Валиостр** — крупнейшее королевство людей на севере Сиалы.

⁸**Леса Заграбы** — занимают огромную территорию на юге Северных земель Сиалы. Скрывают в себе множество таинственных существ и загадок. Из широко известных рас в них обитают темные эльфы, орки, гоблины и дриады.

⁹**Х'сан'кор** (или Ужасная флейта) — чудовище-людоед, обитающее в лесах Заграбы.

¹⁰**Низина** — королевство возле лесов светлых эльфов.

¹¹**Султанат** — государство, расположенное далеко за степями Унгавы.

¹²**Треш** — вежливое обращение к эльфу знатного рода. Иногда его используют и другие расы во время разговора с высокородными эльфами.

МИР ВЕТРА И ИСКР

¹³**Минка** — минута.

¹⁴**Сдис** — восточное королевство, родина некрмантии.

¹⁵**Хилсс** — название посоха некрманта. Этот артефакт получается в результате череды сложных магических ритуалов и является полумертвой-полуживой разумной вещью, магия которой пробуждается, только если владелец «связывает» свою душу с посохом и отдает ему часть Дара и жизненных сил. Набалдашник хиллса создан в виде черепа, в точности копирующего череп того, кто управляет им в данный момент. Количество позвонков на посохе обозначает принадлежность мага к тому или иному Кругу Мастерства, на которые разделена сдисская магическая школа. Наивысшим Кругом считается Восьмой.

¹⁶**Уна** — секунда.

¹⁷**Империя** — огромная страна, являющаяся крупнейшей и самой могущественной державой мира Хары.

¹⁸**Кукс** — мертвец, поднятый с помощью магии.

¹⁹**Ходящая** — женщина, обладающая светлой стороной Дара: магией, разрешенной в землях Империи. Сосредоточением сил и власти светлых магов в стране является Башня.

²⁰**Проклятые** — изгнанники, некогда бывшие Ходящими, обратившиеся к темной стороне Дара и развязавшие войну Некромантов.

²¹**Врата Шести Башен** — неприступная цитадель на единственном перевале через Самшитовые горы.

²²**Сахаль-Нефул** — столица Сдиса.

²³**Нар** — час.

²⁴**Брагун-Зан** (или Мертвый пепел) — каменистые мертвые пустоши на севере Империи, появившиеся в результате войны Некромантов. Центром Брагун-Зана считается Громкопоющая гора — уснувший вулкан.

²⁵**Керуф** — один из заброшенных городов Великой пустыни.

²⁶**Речной дракон** — крокодил.

²⁷**Аль-Джагуул** — один из проклятых городов-призраков Сдиса.

²⁸**Услава караванов** — восточный трактир, находящийся на торговых путях.

²⁹**Сандон** — лес Высокородных.

³⁰**Мелот** — божество, в которое верят люди Хары.

³¹**Альсгара** — крупнейший южный город Империи.

³²**Выстрел «на разрыв»** — выстрел из мощных луков в большинстве случаев исключает долгое прицеливание и удержание натянутой тетивы. Из-за большой силы натяжения стрельба идет на так называемый «разрыв» (используется противоположно направленный рывок обеих рук).

³³**Звезда Хары** — восклицание, у эльфов означающее примерно то же самое, что «Спаси Мелот» у людей.

³⁴**Набатор** — южный сосед и главный враг Империи.

МИР КИНДРЭТ

³⁵**Киндрэт** — самоназвание вампиров.

³⁶**Кадаверциан** — клан Смерти, который специализируется на магии Смерти и изучении существ потустороннего мира. Его представители имеют звание Мастера Смерти и прозвище «некроманты». Клан очень малочислен, но обладает чрезвычайно мощной магией.

³⁷**Фэриартос** — клан Искусства, который полностью состоит из вампиров, бывших раньше людьми искусства: музыкантами, художниками, актерами, поэтами и т.д. Достичь Высшей Магии клана — значит получить способность изменять, по своему желанию, жизнь выбранного объекта. Она «переписывается», как произведение искусства, с помощью «Нитей будущего» — ряда мощнейших заклинаний. Приобрести подобное умение очень непросто, поэтому молодые фэриартос практически беззащитны.

³⁸**Вьесчи** — клан Негоциантов: предпринимателей, бизнесменов и торговцев. Его представители имеют сверхъестественное чутье на деньги, хотя никакая иная магия им не доступна. В древности умели использовать магические свойства металлов и камней, но теперь утратили это умение и целиком посвятили себя изучению законов рынка и экономики.

³⁹**Леарджини** — клан, некогда обладавший мощнейшими боевыми заклятиями. Специализировался на магии Холода. Все его представители был уничтожены в результате одного из кровавых ритуалов.

⁴⁰**Даханавар** — клан Леди. Единственный клан, который напрямую заинтересован в участии в жизни людей. Его представители оказывают огромное влияние на человеческую политику и обладают уникальной способностью влиять на психику выбранного объекта.

⁴¹**Асиман** — клан, являющийся одним из самых жестоких и агрессивных. Проповедует позицию силы. Ведет научные разработки в сферах биохимии и медицины. Проводит жесточайшие эксперименты, цель которых — разработка вакцин, усиливающих могущество клана. Мечтают создать средство, защищающее вампиров от солнечного света, с тем чтобы завоевать мир и полностью поработить человеческое население. Специализируется на магии Огня.

⁴²**Мормолика** — глава клана Даханавар. Первая Леди, Первая Старейшина (главная из трех правящих кланом). Фелиция Александрийская. Мормоликаями в Древней Элладе называли девушек, своей нечеловеческой красотой заманивающих по ночам юношей и пьющих их кровь.

⁴³**Тхорнисх** — самый жестокий из существующих ныне кланов. Так же, как клан Асиман, ратует за то, чтобы свести человечество до уровня скота, используемого в пищу. Специализируется на магии Тления.

⁴⁴**Нахтготер** — официальное название главы клана Тхорнисх.

⁴⁵**Блаутзаугер** — дословно «кровосос». Уничжительное название вампира.

⁴⁶**Фэри** — сокращенно от фэриартос.

⁴⁷**Лудэр** — клан, чья магия была близка магии Смерти. Постоянный противник Мастеров Смерти, начавший против них войну. В результате — уничтожен кланом Кадаверциан.

⁴⁸**Вриколакос** — «носящие волчью шкуру». Единственный из ныне существующих кланов полностью осуждает городской образ жизни. Представители этого клана могут по желанию оборачиваться в волков и передвигаться днем в густой тени, но при этом практически полностью теряют человеческое сознание и логику, становясь зверями.

⁴⁹**Нахтцеррет** — «Ночной спаситель». Самоназвание клана Тхорнисх.

МИР НА ГРАНИЦЕ ИЗНАНКИ

⁵⁰**Сваливание** — термин, обозначающий состояние стреколета, при котором тот не способен продолжать полет из-за нехватки скорости. Сваливание обычно происходит при длительном наборе высоты и горизонтальном полете на малых скоростях. В таких случаях стреколет попросту «клюет носом» и, пока не наберет требуемую скорость, — падает.

⁵¹**Сплит** — маневр, используемый пилотами во время защиты и нападения. Для его выполнения следует перевернуть стреколет на спину и направить вниз, к земле. Для осуществления очень важен запас высоты.

⁵²**«Одуванчиковая подушка»** — артефакт, обладающий свойствами парашюта.

⁵³**Драконья кровь** — сок драконового дерева, используемый как кровоостанавливающее и ранозаживляющее средство.

⁵⁴**Идти по потолку** — выражение ловцов удачи, означающее «лететь на предельно возможной высоте».

⁵⁵**«Алмаз»** — плотное построение в виде неправильного ромба.

⁵⁶**Засорился горизонт** — выражение ловцов удачи, означающее «появление в прямой видимости недружественного воздушного объекта».

⁵⁷**«Слезы грифона»** — магическая субстанция, на открытом воздухе становящаяся опасной.

СОДЕРЖАНИЕ

МИР СИАЛЫ	
Змейка	7
МИР ВЕТРА И ИСКР	
Пожиратель душ	39
Цена свободы	95
МИР КИНДРЭТ	
Тёмный Охотник	175
МИР НА ГРАНИЦЕ ИЗНАНКИ	
Особый почтовый	267
ИСТОРИИ РАЗНЫХ МИРОВ	
Дождь	357
Последняя осень	383
<i>Примечания</i>	402